

І. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

С. Н. Искюль

ВОЛЬТЕР И ЕГО «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

К сему делу, по правде, Вольтера
никто не может быть способнее...

М. В. Ломоносов

Известный интерес Вольтера к России вызывался, помимо чистого любопытства просвещенного иностранца, которое неизбежно возникало вследствие очевидной неполноты необходимых достоверных знаний, способных удовлетворить пытливый ум, еще и, безусловно, отношением к личности Петра Великого, что связывалось у него с интересом к роли просвещенного монарха в обществе, а уже впоследствии и с обращением писателя к истории петровского царствования. Творческая история этих сочинений Вольтера не раз становилась предметом исследования,¹ причем далеко не только в России,² однако это отнюдь не означает, что общая их оценка в историографическом контексте и многие, связанные с ними вопросы, уже не требуют не только ряда уточнений отдельных нюансов, но и специального к ним обращения и обстоятельного раскрытия.

Не раз поставленные под сомнение, а порою и опровергавшиеся в прошлом стереотипы³ в той или иной степени сохраняют свое значение, и кажется не лишним в этой связи еще раз вернуться к сложившимся устойчивым представлениям о том, что сочинение о Петре Великом было заказано Вольтеру российской императрицей и влиятельными лицами ее двора, что при работе над этой историей Вольтера направляли личное честолюбие, прямой «интерес», т. е. меркантильные соображения и прямые «искательства» того же толка. Эти соображения и оценки возникли в российской историографии и публицистике давно, но в особенности стали восприниматься как непреложный факт, с тех пор как померкнувший ореол великой императрицы уже не освещал своим священным покровом имя первого «вольтерьянца», а французское просветительство уже не внушало былого пиетета и неподдельного восхищения.

Еще профессор Николай Герасимович Устрялов писал в одной из последних своих работ: «Императрица Елизавета Петровна, благоговевая к памяти отца, желала видеть дела его описанными пером искусным, и камергер Ив. Ив. Шувалов предложил этот труд писателю знаменитому, наполнявшему всю Европу славою своего имени, Вольтеру. Сообщили ему материалы, извлеченные из архивов, частью в подлиннике, частью в переводах Тауберта, Миллера, Штелина, послали многоценную коллекцию Русских медалей, дорожные меха, и ровно чрез год (в 1761), вместо ожидаемой полной и подробной

Истории Петра, получили от него в одной небольшой книге <...> сочинение слабое, бесцветное, столь же неудовлетворительное в смысле истории империи, как и в смысле жизнеописания Императора».⁴

Но если интерес Вольтера к петровской России всегда отличался постоянством, то и в России интерес к Вольтеру всегда был велик и устойчив, причем отношение к нему часто объяснялось не столько, так сказать, всеохватностью и разносторонностью личности Вольтера, тем, что имя его было, что называется, «на слуху», сколько интересами лиц, которые определяли вкусы и пристрастия образованного общества, или тех, кто в данном случае так или иначе был прикосновен к событиям вокруг вольтеровской «Истории...». Этим ли, т. е. своего рода противоборством различных партий, или, что вероятнее, слишком большими ожиданиями, которые возлагала читающая публика на новое сочинение Вольтера, объясняется общее разочарование вольтеровской «Историей...» — первой и единственной тогда историей петровского царствования? Как бы то ни было, книга могла быть беспрепятственно прочитана всеми, кто хотел ее прочесть,⁵ и, не дожидаясь ее перевода на родной язык, без сомнения, это сочинение прочли все образованные люди России.

Читала ее, естественно, и Екатерина II, на начало царствование которой пришлось второй, заключительный, том вольтеровского творения. В одном из своих писем Вольтеру она по этому поводу писала: «Если бы при начатии вами сего творения была я то, чем ныне есть, конечно, мною были бы вам доставлены совсем другие записки».⁶ В этой оценке сквозит нежелание бросить тень критики на свои отношения с корреспондентом и сожаление о том, что ее предшественница не взяла дело по-настоящему в свои руки. Тогда же, т. е. вскоре после переворота, свергнувшего прямого наследника престола Петра Великого, императрица повелела выкупить у Вольтера собрание документов, которыми писатель пользовался при написании своего сочинения, и они, эти материалы, переплетенные в пяти томах под названием «*Mémoires pour l'histoire de Russie par Voltaire*» заняли свое место в шкафах Императорской библиотеки Зимнего дворца в Петербурге. Несмотря на то что высочайшего благоволения книга Вольтера вполне не удостоилась, «История...» была, так сказать, «рекомендована» к августейшему чтению; известно, что великому князю Павлу Петровичу ее читал воспитатель Семен Андреевич Порошин, который часто брал ее в руки, когда хотел привести наследнику престола наиболее благодетельные и подражания достойные примеры из жизни его прадеда.⁷

Со временем же, когда российская историческая наука и словесность все более освобождались от постороннего влияния, развивались и обретали собственный стиль, в распоряжении воспитателей особ из российской императорской фамилии стали появляться произведения отечественной историографии, но и тогда, по мнению С. М. Соловьева, книга Вольтера «была вовсе не лишняя не только на Западе, но и в России и стоила тех шуб, которые были отправлены за нее автору».

Однако взвешенному суждению автора фундаментальной «Истории России с древнейших времен» в 26-м томе, вышедшем в 1876 г., предшествовали часто иные, критически заостренные отзывы о вольтеровском произведении тех, кто своей критикой, обращенной в прошлое, указывал на недостатки сочинения французского писателя, недостатки большей частью неизбежные и порою простительные. Критические суждения об «Истории...» Вольтера, после того как имя автора, еще некогда осиянное покровом дружбы с «Семирамидой Севера» (именно с Екатериной II, а не с Елизаветой Петровной,

которую Вольтер также одно время называл «Семирамидой»), в иные времена уже не было недостижимым для критики, вызывались большей частью тем, что далеко не все обстоятельства, связанные с написанием этого сочинения, были известны, а авторы этих высказываний отнюдь не утруждали себя сомнениями в справедливости собственных мнений о первой истории России петровских времен.

«Тщетно единый из знатнейших писателей нашего века сочинил историю сего государя; но или не имел он довольно верных присланных к нему записок, или ради каких других причин от желательной подробности и верности отдален остался, и токмо вящее желание наше иметь ее верную приумножил», — в предисловии к публикации «Журнала» Петра I писал Михаил Михайлович Щербатов,⁸ более известный как автор «Истории российской с древнейших времен», не доведенной, впрочем, до времени Петра I и впоследствии более известный как автор сочинения «О повреждении нравов в России».

«Вольтерова история: смесь лжи с малою частицей истины, имена собственные перековерканы, летосчисление смешано», — констатировал современник Щербатова Федор Осипович Туманский, автор одного из первых сочинений о Петровской эпохе и личности Петра Великого. Подчеркивая заказной характер «Истории...» Вольтера, Туманский далее язвительно добавлял: «Правда, от наемника и ожидать было нечего».⁹

По-своему отозвался на вольтеровскую версию истории России при Петре Великом И. И. Хемницер, посвятив ей эпиграмму «На Волтера»:

Волтера все бранят, поносят
И гнусный на него такой поступок взносят,
Что много он в своей «Истории» налгал.
Ну виноват ли он, когда его дарили
И просили,
Чтоб вместо правды ложь он иногда писал?¹⁰

У того же Хемницера имеется и другой эпиграмматический опыт в том же смысле:

О вы, любители словесных всех наук,
Чтобы услышать вам чистейший лирный звук,
Волтеровых стихов согласию внимайте
И в сочинениях ему же подражайте.
«Историю» ж его прошу вас не читать,
Чтоб вместе с ним и вам не лгать.¹¹

Во времена, так сказать, «новейшие» отношение к Вольтеру в России в этом смысле не меняется.

«Великий исполин литературы французской кажется карлом у ног северного героя», — писал в своем обзоре издатель журнала «Корифей», литератор и в будущем непрременный секретарь «Беседы любителей русского слова» Иаков Андреевич Галинковский.¹²

«Вообще книга сия написана весьма неверно, — отмечал в связи с выходом в свет первого тома русского перевода «Истории...» Вольтера¹³ Михаил Трофимович Каченовский, редактор «Вестника Европы» и будущий профессор Московского университета. — Вольтер на каждом шаге спотыкается, погрешая то в хронологии, то в географии, то в

описании не только подробностей, но и главных происшествий; а что всего хуже, он писал не как беспристрастный философ, но как француз, погрязший в предрассудках о невежестве и недостойности русских, которых, по его описаниям, можно почесть настоящими дикарями...».¹⁴

«Вольтеру заказали историю, и он написал несколько страниц остроумного и безобразного вздора, недостойного названия истории, до того, что сам Вольтер смеялся над своим трудом», — так заявлял историк и издатель журнала «Московский телеграф» Николай Алексеевич Полевой.¹⁵

Сходным был и отзыв мэтра российской словесности князя П. А. Вяземского, который посчитал, что «История России во времена Петра Великого» Вольтера — «подвиг, совершенный в силу дипломатико-литературных сделок», и «не отвечает достоинству ни героя, ни писателя».¹⁶

Подобные же высказывания в более или менее резкой форме имели место и позднее, и не случайно, что негативный смысл, общий для подобного рода оценок, еще долго не был изжит вполне и присутствовал, как это ни странно, в трудах, посвященных российской историографии. Между тем о том, как задумывалось и писалось это сочинение, теперь нам известно несравненно больше, чем еще относительно недавно, что должно положительным образом сказаться на историографических оценках критического осмысления прошлых историко-литературных представлений, бытовавших более столетия назад.

Еще до получения «заказа» на «Историю Российской империи во времена Петра Великого» Вольтер, работая над историко-биографическим сочинением о Карле XII, оказался под впечатлением разительного контраста между двумя историческими личностями — шведским королем и его будущим победителем. Карл XII показался его воображению своего рода «последним викингом» (возможно, это произошло потому, что писателю пришлось поневоле уделить немало места скоро прискучившим ему деяниям короля на поле брани); русский же царь привлекал его внимание обаянием энергичной преобразовательной деятельности среди погрязшего в варварстве народа обширной империи. Начав работу над новым изданием своих сочинений, Вольтер в 1737 г. пересмотрел сочиненную ранее «Историю Карла XII» и должен был признать, что уделил слишком много внимания военным походам и мало осветил то, что он назвал «благодеяниями, оказанными царем Петром I человечеству», что отчасти отразилось в последующих изданиях этого сочинения, начиная с 1739 г.

В том же 1737 г. Вольтер обращается к молодому кронпринцу Фридриху Прусскому с просьбой помочь ему разнообразными сведениями относительно России. В публикациях, бывших в его распоряжении, ответов на эти вопросы Вольтер найти не мог или не сумел. Прусский почитатель Вольтера откликнулся на эту просьбу, которая, помимо прочего, питалась и симпатией к своему другу, кронпринцу, в будущем наследовавшему отцовский престол. «Хлопоча у Фридриха, — писал об этом сюжете Е. Ф. Шмурло, — Вольтер наметил даже вопросы, своего рода программу, заранее определявшую характер тех данных, какие требовались от него. Вопросы эти любопытны уже сами по себе. Вольтеру хотелось знать, в чем, собственно, заключалась реформа Петра в области церкви, управления, промышленности; что полезного ввел русский царь в своей войске, каковы успехи, достигнутые в деле просвещения: действительно ли русский народ такой необразованный и дикий, как о нем говорят, и проч.».¹⁷

Эти вопросы о внутреннем положении России Фридрих направил саксонскому посланнику при российском дворе П. фон Зуму, но, неудовлетворенный ответом последнего, кронпринц обращается к бывшему уже тогда секретарю прусского посольства при петербургском дворе (с 1718 г.) Иоганну Готтхильфу Фоккероду, который ранее находился на секретарской должности у Антиоха Кантемира и прожил в России около 25 лет.¹⁸ Ответы на поставленные вопросы Вольтер получил от Фридриха в январе 1738 г.; то была ставшая впоследствии известной записка Фоккерода, которая широко использовалась при изучении истории России петровского времени.¹⁹

Однако сочинение бывшего прусского дипломата не удовлетворило на этот раз самого Вольтера, поскольку не содержало исчерпывающих сведений, но тем не менее эти материалы не раз были использованы Вольтером, на первых порах пока только в новом издании «Истории Карла XII».²⁰ Чтобы получить недостающие документальные данные, Вольтеру ничего не оставалось, как обратиться непосредственно в Петербург.

Таким образом, говорить об «Истории...» только как о заказе, которого Вольтер добивался и в конце концов получил, было бы немалым упрощением. Разумеется, едва ли есть какие-либо сомнения в том, что сочинение о России Петровской эпохи Вольтеру было заказано, но это утверждение всегда должно сопровождаться оговоркой: мысль о сочинении истории петровской России возникла у Вольтера до того, как заказ на его написание был получен, а удалось получить этот заказ во многом благодаря собственной инициативе Вольтера и его настоятельным предложениям в Петербург, которые подогревались интересами Вольтера-историка.

В 1745 г. Вольтер, только что ставший историографом Франции, послал императрице Елизавете Петровне экземпляр своей поэмы «Генриада», а также сочинение «О философии Ньютона» для Петербургской Академии наук и стал хлопотать через французского посланника Ж. Л. д'Альона о чести быть принятым в число членов Академии, надеясь, что это облегчит ему пользование историческими материалами для уже задуманной книги. Избрание Вольтера в почетные иностранные члены Академии состоялось в 1746 г., однако ему понадобилось в общей сложности больше 10 лет, для того чтобы его предложение о написании «Истории...», с которым он уже не раз обращался в Петербург, было благосклонно принято. Пока на российском престоле находилась Анна Иоанновна, не было и речи о том, чтобы Вольтеру «августейше» поручили написание предлагавшегося им самим сочинения. Когда же «отрасль Иоаннова» оставила российский престол и воцарилась «дщерь Петрова», то и тогда заказ на написание «Истории...» был получен не сразу; промедление с окончательным решением объясняется среди других причин противоборством влиятельного канцлера А. Н. Бестужева-Рюмина, предлагавшего поручить сочинение «Истории...» Петербургской Академии наук, и И. И. Шувалова, прилагавшего усилия к тому, чтобы на предложение Вольтера ответили положительно.

Поэтому напрасно в 1748 г. Вольтер, «нечувствительно», как писали в прошлом, напоминая о своем заветном желании, дополнил очередное собрание своих сочинений написанными им «Анекдотами о царе Петре Великом»; этим жестом он не продвинул своего дела ни на шаг. В 1751 г. на желание Вольтера приехать в Россию для работы в российских архивах президент Академии наук граф К. Г. Разумовский ответил недвусмысленным отказом. Однако вскоре влияние Шувалова возросло настолько, что

отношение к Вольтеру и его проекту решительно переменялось, что имело место в начале 1757 г., когда через российского дипломата Ф. П. Веселовского Шувалов наконец сообщил Вольтеру приятную новость.²¹ Это позволило Вольтеру, нисколько не опережая события, тогда же известить друзей о том, что российская императрица приглашает его в Петербург, поручая ему биографию отца. Как известно, в Петербург он так и не поехал, однако, уже тогда начав работу над «Историей...», не обманулся в конечных своих ожиданиях.

Одобрив план сочинения, который Вольтер представил в Петербург через того же Веселовского, Шувалов пообещал извлечь из архивов все необходимые для работы писателя материалы, включая и все то, как просил Вольтер, «что могло бы способствовать прославлению вашей родины».²²

К концу 1757 г. у Вольтера был уже готов первый вариант восьми глав первого тома. В июле 1758 г. он получает из России первую посылку с материалами и замечаниями ученых, определенных к тому, чтобы, с одной стороны, в полной мере облегчить Вольтеру освоение многосложного материала российской истории, а с другой — указывать на неизбежные несообразности географического и этнографического толка. Вольтер отлично понимал, что осуществление замысла истории российского царя одинаково в интересах обеих сторон и выражал готовность идти на компромисс, но далеко не всегда соглашался с критикой тех, кто был к нему приставлен, — Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова, а к некоторым из присланных ему замечаний отнесся пренебрежительно.²³ Но главные жалобы Вольтера касались недостатка материала: «Из данных, находящихся в моем распоряжении, можно составить лишь сухой перечень годов и фактов; занимательной истории на их основании не напишешь... Чувствительно тронут посланным вами китайским чаем, но уверяю вас, что сведения о царствовании Петра Великого были бы для меня несравненно ценнее», — писал Вольтер Шувалову 4 марта 1759 г.²⁴

Впрочем, весьма скоро воочию стали очевидны разные подходы, различное понимание истории России российскими учеными и Вольтером.

Вольтер был слишком высоко мнения об обаянии своего писательского стиля, чтобы еще нагружать себя кропотливой, чисто изыскательской работой исследователя. Те же, кому поручено было заниматься работой по подготовке материалов для Вольтера, разысканием, отбором, переводом на французский язык и его редакцией, вероятно, не могли не чувствовать определенное недовольство тем, что «Историю...» поручили не им. Поэтому подбор материалов не всегда и не вполне соответствовал запросам из Фернея, а предварительный просмотр написанных Вольтером глав сопровождался приостановкой издания, посылкой длинных перечней допущенных промахов и требованиями исправить ошибки.

Известно, что всего Вольтеру было послано 1091 замечание, многие из которых повторялись, так как историк то ли не обращал на них внимания, то ли не считал их существенными. Общее число этих замечаний может быть сведено к 500, из которых Вольтер учел только 70.²⁵ Таким образом, отношения между историком и его российскими «коллегами» не могли быть вполне безоблачными хотя бы потому, что последние неизмеримо лучше знали российскую историю и географию, они не были довольны французской транслитерацией российских географических и прочих названий и имен,²⁶ они не понимали упорства историка, когда их данные противоречили тем, что Вольтер почерпнул из знакомых ему печатных источников, которые к тому времени устарели.

Тем не менее «История...» Вольтера как первая история монарха и страны обладала для своего времени несомненными достоинствами — это была, так сказать, история «философическая», т. е. последовательное воплощение просветительских представлений автора о прошлом. Ясная мысль делала историю целостной и стройной, историей не отдельной личности, но страны и народа в их культурологическом смысле и значении, однако сильная авторская концепция лишала Петра как просвещенного монарха важных конкретных черт, присущих отдельной личности.²⁷ Царствование Петра, несомненно обладавшего чертами великого исторического деятеля, казалось Вольтеру подходящим историческим материалом для обоснования собственных просветительских идей. Однако в его персонификации в Петре Великом всего русского исторического процесса была известная доля преувеличения. Вольтер в «Истории...», как и несколько ранее, изображал Петра неким чудесным героем, с ранних лет наделенным сознательным планом преобразования империи, доставшейся ему по праву престолонаследия.

При всех ее слабостях «История...» Вольтера — выдающийся памятник исторической и политической мысли эпохи Просвещения, а по своему общекультурному уровню и значению это сочинение Вольтера превосходит все, что было написано о Петре I в Европе, а затем уже и в России в XVIII в. Образ России, приобщившейся к европейской цивилизации, созданный Вольтером, способствовал разрушению вековых стереотипов о российском варварстве, и если Петр I, по выражению одного дипломата, «прорубил окно в Европу», то Вольтер приоткрыл для своих европейских современников окно на Восток. Казалось бы — парадокс, но сочинение Вольтера, помимо прочего, представляет собой и явление отечественной историографии; это надо особенно подчеркнуть, ибо об этом часто забывают или стараются не упоминать, когда говорят и пишут об «Истории Российской империи при Петре Великом».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим среди прочих (см.: Вольтер в России: Библиографический указатель. 1737–1995: Русские писатели о Вольтере. М., 1995) лишь некоторые исследования, без которых невозможно себе представить российское вольтероведение: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 10–12; 1912. № 5–6 (отд. изд.: Шмурло Е. Ф. 1) Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1; 2) Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929); Платонова Н. С. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство. 1939. Т. 33–34. С. 1–24; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978; Альбина Л. Л. Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Век Просвещения: Россия и Франция. М., 1989.

² Среди общих трудов нельзя не отметить такие исследования, как: *Mohrenshildt D. S. Russia in the intellectual life of the eighteenth century France.* New York, 1936; работы историков: *Gooch G. P. Voltaire as historian // Catherine the Great and other studies.* London, 1954; *Wilberger C. H. Voltaire's Russia: window on the East // Studies on Voltaire and the eighteenth century.* 1976. Vol. 64.

Важным и наиболее объемлющим в этом отношении необходимо признать монографическое предисловие к первому критическому изданию «Истории Российской империи при Петре Великом», которое было осуществлено под патронатом Французской Академии, Королевской Академии французского языка и литературы Бельгии, Американского совета ученых обществ, Британской Академии, Института и музея Вольтера, Международного академичес-

кого союза при участии Национальной Российской библиотеки. Предисловие общим объемом более 300 страниц написано профессором Руанского университета Мишелем Мерво, издание подготовлено им в сотрудничестве со многими специалистами в области истории, языка, литературы и книги эпохи Просвещения (*Voltaire. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand // Les Œuvres complètes de Voltaire.* Oxford: Voltaire Foundation, 1999. Vol. 46–47. 1338 p.).

³ *Алексеев М. П.* Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1947. С. 20–21.

⁴ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. XXXIX–XL.

⁵ Французские издания сочинения Вольтера о России эпохи Петра Великого и переводы всегда беспрепятственно продавались в книжных лавках обеих столиц, о чем свидетельствуют издававшиеся тогда каталоги. См., например: *Catalogue de Livres François... en feuilles et reliés, qui se trouvent à Moscou chez Chretien Rudiger.* 1768. P. 3; *Catalogue des livres françois, anglais, italiens, ...etc. qui se trouvent chez Evers, libraire du College Imperial des Mines...., demeurant près pont bleu.* St. Petersburg, 1781. P. 53; *Роспись российским книгам, которые продаются в Санктпетербурге в Гостинном дворе... у книгопродавца Тимофея Полежаева и против зеркальной линии... у книгопродавца Герасима Зотова.* А в Москве на Никольской улице ... у купца Тимофея Полежаева. 1792. С. 70; *Роспись российским книгам ... в книжных лавках у купца Ивана Глазунова... в Санктпетербурге.* 1795. С. 100.

Известно, что «История...» Вольтера рекомендовалась как учебное пособие, например студентам Московского университета (*Мезин С. А.* Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999. С. 108), и одно из изданий этого сочинения вручали наиболее отличившимся воспитанникам Кадетского Шляхетного корпуса (*Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. С. 67–68).

⁶ Переписка российской императрицы Екатерины Вторья с г. Волтером. СПб., 1802. Ч. 1. С. 3.

⁷ *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благо-

верного Государя Цесаревича и Великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 103–104, 107, 133, 148, 152, 178, 180, 196.

⁸ Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечностойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. 1. Предисловие.

⁹ *Туманский Ф. О.* Полное описание деяний Его Величества Государя Императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 1. С. 9–10.

¹⁰ [*Хемницер И. И.*]. Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографической статьей и примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1873. С. 365.

¹¹ Там же. С. 366.

¹² *Корифей, или Ключ литературы.* СПб., 1802. Кн. 1. Ч. 1. С. 112.

¹³ «История Российской империи в царствование Петра Великого», сочиненная г. Волтером. М., 1809. Перевод принадлежит перу Семена Алексеевича Смирнова, в то время доктора юриспруденции Московского университета, а до своей службы в университете преподававшего французский язык в Московской духовной академии. Перевод Смирнова отличается неоспоримыми для своего времени достоинствами, что обнаруживается, несмотря на то что в нем встречаются отдельные фактические и стилистические неточности и несмотря на то, что с его переводом основательно поработали деятели Московского цензурного комитета.

¹⁴ *Вестник Европы.* 1809. Ч. 48, № 21. С. 61–68.

¹⁵ *Полевой Н. А.* Обзорение русской истории до единоподержавия Петра Великого. СПб., 1846. С. XIII.

¹⁶ *Вяземский П. А.* 1) Фонвизин. СПб., 1848. С. 13; 2) Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 5. С. 8–9.

¹⁷ *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. С. 53.

¹⁸ *Voltaire. Œuvres / Ed. de Moland.* Paris: Edition Th. Besterman, 1980. Vol. 5. № 5562.

¹⁹ *Hainz O.* Peter der Große, Friedrich der Große und Voltaire: Zur Entstehungsgeschichte von Voltaires «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand». Mainz, 1962 (статья д-ра О. Хайнца, посвященная исследованию материалов под

названием «*Considération sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand*», приписывавшихся одно время перу прусского наследного принца и помещенных поэтому в берлинское посмертное издание произведений Фридриха II (1791), была напечатана сначала в трудах Майнцской Академии наук и литературы). См. об этом сюжете также статью д-ра П. Брюне (*Brüne P. Johann Gotthilf Vockerodts Einfluß auf das Rußlandbild Voltaires und Friedrichs II // Zeitschrift für Slawistik*. 1994. Bd 39. N 3. S. 393–404), которая легла в основу его выступления на московском colloquium «Русские и немцы: Встреча двух культур» (1996).

²⁰ *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом / Публ. Э. Германа // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 2. С. 1–120; См.: *Брикнер А. Г.* 1) Современные известия по истории России // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 1. С. 167–223; 2) Заметка о Фоккеродте // Древняя и новая Россия. 1875. № 11. С. 269–275.

²¹ См. отчасти по этому поводу письмо Ф. Д. Бехтеева М. Л. Воронцову от 28 апреля 1757 г. // Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 266 и далее, в том числе особенно письмо Ф. П. Веселовского Вольтеру от 16 февраля и ответное письмо Вольтера от 19 февраля 1757 г. (Там же. С. 268–270).

²² *Voltaire. Correspondance*. Paris, 1978. Т. 4. № 4704.

²³ *Заборов П. П.* Вольтер в русских переводах XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 117.

²⁴ *Мезин С. А.* Взгляд из Европы. С. 71.

²⁵ *Voltaire. Correspondance*. Paris, 1980. Т. 5. № 5449.

²⁶ См.: «Примечания» М. В. Ломоносова (на рукопись «Истории российской империи при Петре Великом» Вольтера, 1757 г.) // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 91–96.

²⁷ *Шмуцло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 249.

И. П. Медведев

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОЛЕНИН КАК ВИЗАНТИНИСТ

Казалось бы, трудно добавить что-либо новое к портрету столь знаменитой личности, как Алексей Николаевич Оленин (1764–1843), и тем не менее — загадок хватает. Видный государственный чиновник, он прежде всего проявил себя как выдающийся деятель русской культуры, занимая посты директора Императорской Публичной библиотеки и президента Императорской Академии художеств, «знакомством, дружбой и родством» будучи связан со многими знаменитыми писателями, архитекторами, художниками, учеными, актерами, музыкантами, будущими декабристами; являясь, наконец, создателем (на базе своей семейной усадьбы Приютино) уникального по своему составу и долговременности функционирования «кружка», а вернее — интеллектуального содружества; причем легче, наверное, перечислить тех из современных знаменитостей, кто к нему не принадлежал.¹

Нас же в данном случае интересует еще одна «ипостась» А. Н. Оленина — его страстная увлеченность античностью и славяно-русскими древностями, в изучении которых он демонстрирует свои лучшие (фактически вполне профессиональные) качества ученого-исследователя, стремившегося в любом случае к использованию и взаимопроверке разнородных источников, к критическому изучению и изданию документов, к строго научной аргументации в выводах. Занимая весьма важное место в истории